

ГУМАНОИД

ИСТОРИЯ РЕБЕНКА, КОТОРЫЙ УДИВЛЯЕТ, ВЕСЕЛИТ И БЕСИТ,
В ИСПОЛНЕНИИ ЕГО ОТЦА

ЮРИЙ АБРОСИМОВ
Родился в 1969 году
в Москве. Писатель, журна-
лист и радиоведущий.
Сотрудничает с издательским
домом «Номмерсантъ».
Публиковался в журналах

«Сноб», «Огонек», «Новый
берег» (Дания).
Занимается новеллизацией
голливудского авторского
кино.
Дебютный роман «Пожитни»
опубликован в 2013 году.

В рамках отдельной серии
книга получила награду
ярмарки Non/fiction.
Вторая книга — сборник
рассказов «Птица на вылет» —
в печатном виде не выходила
и доступна на «ЛитРес».

Что в имени (вместо предисловия)

Давным-давно один человек обожал произно-
сить вслух иностранные имена и фамилии.

- Знаешь, что я читаю? – спрашивал он кого-ни-
будь.
- Ну?
- Вот, смотри.

И показывал книжку под названием, допустим,
«Весь мир в кармане».

- Вот. *Джеймс Хедли Чейз*.

Оппонент в благоговении замирал.

- Понял, да? *Джеймс Хедли Чейз*.

Надо было слышать, как он произносил эти
три слова. И надо понимать, от чего происхо-
дило его удовольствие. От того, что он, значит,
практически по-английски говорил. Как носитель
языка, в совершенстве им владеющий. Свободно!
Д-ж-е-й-м-с Х-е-д-л-и Ч-е-й-з. Правда, замеча-
тельно? И еще. *Э-р-л С-т-э-н-л-и Г-а-р-д-н-е-р*.
Обалдеть!

Я, кстати, тоже неровно дышу по отношению
к некоторым именам. Но – по другим причинам.
Более «тактильным», что ли. Например, мне
нравится говорить *Лили Собески*. Очень нравит-
ся! *Лили Собески*... Как будто сначала чешут под
подбородком, а потом неожиданно дают короткую
сухую пощечину.

Или вот: *Кирстен Данст*. Роскошно! Попробуй-
те сами. Произнесите вслух: *Кирстен Данст*! Так
с треском далеких мушкетных выстрелов рассу-
паются искры бенгальских огней.

Софья Юрьевна Ильина – тоже хорошее имя.
Но – из совсем другой оперы. Наобум его не про-
изнесешь, тут антураж нужен. Что-нибудь такое
усадебно-дворянское в летний полдень. Когда
вдалеке барский дом, беседка утопает в зелени,
стол, покрытый скатертью, уставлен предмета-
ми чайного сервиза, самовар уже подостыл. Слуги
разбрелись после обеда. Ветерок едва шевелит
травы, комарам – рано еще. Истома повсемест-
ная...

Неплохо бы выпить, для разнообразия, но гра-
финчик пустой, посылать за новым – лень. К тому
же дама напротив, за столиком, явно не распо-
ложена. Это у нее в вашем присутствии – всегда
почти. Да только от того не легче.

Надобно сказать хоть что-нибудь, ради прили-
чия. Но какими словами? И откуда взять их сей-
час?

- Софья Юрьевна! – все-таки пробуете вы.
- А? Что?
- Нет-нет, ничего... Это я так...

Дама наследственно зыркает глазами. Веер
в ее руках изгибается до хруста.

Право же, неловко как... Но что же делать?

Птица какая-то села на ветку рядом и, воспользовавшись свободой, тут же упорхнула прочь.

– Знаете, – спохватываетесь вы, – а ведь я с самого утра еще не причесывался!

– Да что вы говорите?!

– Правда-правда. Да-с... Как с утра встал, так и... Дама пытается скрыть презрение, но безуспешно.

«Боже мой! – ясно показывает ее взгляд. – Что за люди! Все одно!.. Все одно...»

ФРАГМЕНТ КНИГИ

Начало начал

Невозможно, совершенно нереально спать, когда двухлетний «человек», этот насквозь энерджиайзерный дуремар, орет и гоняет по квартире!

Нечленораздельные звуки сменяются полураздельными, разделить их полностью с первой попытки не удастся, разносятся вопли и плач, потом начинается хихиканье, следом – звук, с которым тяжелоатлет рвет штангу, затем берется игрушечный мобильник, и существо во всю свою притворно детскую глотку оглушительно производит:

– АЛЕ!!! ДА!.. ДА!.. ДА!.. ДА!.. ДА!..

И так примерно семьдесят четыре раза.

Вдвоем дома

Этот ребенок – в смысле, моя дочь, – здорово преуспел в жизни, будучи оставленным один на один с папенькой, поскольку маменьке тоже нужно иногда куда-то съездить, развяться, потусить, да и вообще привести себя в чувство.

Моя дочь – в смысле, этот ребенок, – за отпущенное ей время успела всласть пообщаться со своим родителем. Грех жаловаться, когда общение включает бесконечные призывы «бегать!» и «летать!», тысячекратные повторения односложных фраз, среди которых лидирующая – «Соня сломала... Соня сломала...», целенаправленные попытки вырвать у оппонента кадык, проредить растительность на лице, оторвать щеки и подвергнуть его любовной асфиксии, демонстрации обожания, напоминающие контакты собак с падалью, перманентные вложения перстов во всё, до чего дотягиваются руки, стремление тщательно обнюхать руками захваченное, мочеиспускание в горшок, устанавливаемый во всех доступных

точках жилплощади, и отказ от ужина. Последнее обстоятельство привело к скандалу, изгнанию златокудрого шибзда за пределы кухни и ругани, заполняющей педагогический вакуум.

Ранним вечером в нашей квартире оформилось жалкое подобие нейтралитета. Я силясь прожевать макаронные изделия, дочь листала книжки под оглушающее сопровождение музыки...

Спустя какое-то время, под гнетом зоологического атавизма, я решил прижать родное дитя к сердцу, но, войдя в комнату для игр, увидел зрелый итог коммуникабельности: организм вырубил абонента. Она валялась ничком на полу, рассматривая примерно четвертый сон по счету.

Родственные чувства

Жена иной раз, дабы ублажить почтенное собрание, спрашивает ее:

– Кто у тебя папа?

– ГУМАНОИД! – строго отвечает шибзд.

Стремясь упрочить реванш, жена интересуется далее:

– А мама кто?

– ГУМАНОИД! – отвечает шибзд.

Ну, понятно. В нашей семье нормального человека не встретишь...

А тут еще вон какую моду взяла. Требует, чтобы я ложился на край постели, после чего сталкивает меня на пол. А я что? Я не против. Честно исполняя отцовские обязанности, транслируя вопли, лечу в пропасть. Падаю, как положено, не группируясь, словно шмат говядины в сковородку-тефаль. Экзекуция повторяется до тех пор, пока соседи не начинают колотить по трубам.

Потом наступает минута фронтального затишья. Я наконец могу устроиться на постели по-человечески, с книжкой.

Преисполненная ангельскими намерениями, змеею подползает дочь.

– Ложись, папа. Ложись...

Вяло огрызаюсь:

– Я и лежу!..

– Нет. Ты вот так ложись.

Меня толкают ладонью в грудь, требуя, чтобы я непременно лег навзничь.

– Ложись, папа. Да. Отдохни. Да.

Шибзд утвердительно машет головой, как цирковая лошадь.

– Вот подушка, папа. На. Подушка. Ложись.

Под голову мне суют думочку.

– А это не надо.

– Красавица!.. – восхитился страж.
Проехав станции две, я наконец смог восстановить ровность дыхания.

Бунт

Если на улице встречается лужа, удивительная Соня непременно в нее упадет.

Есть, есть в умалении до малых сих какая-то неизъяснимая радость – особенно если не перебарщивать, а так лишь, иногда, от случая к случаю, раз в год, не больше...

Хотя бы раз в год с ребенком нужно гулять, это известно. Миссия сопровождения перестает казаться пыткой, когда ребенок внятно говорит, чего ему надобно в настоящий момент. Другое дело, что соразмерность – удел высокоразвитых существ, но не кандидатов в оные.

Катание на поезде, катание на машинках, катание на самолетах, качание на качелях были уже позади, и я известил о возвращении домой. Ритуальные пляски в такой момент заключаются в многократных взаимных уверениях сторон о недопустимости повтора развлекательных действий. Стороны торжественно объявляют *Последний Раз*, то есть заключают своеобразный пакт, легитимности и надежности которого могли бы позавидовать Молотов с Риббентропом.

Естественно, договоренность была нарушена глумительным образом. Не успел я повернуть к дому, как существо, застыв между родителем и цитаделью развлечений, пустилось в отрыв.

Раздался истошный вопль:

– НЕ ТУ-ДА-А-А!!!

Гуляющие рядом карапузы, а также их родители вздрогнули и повернули головы в нашу сторону.

Соня вздымала руки, как солдат, получивший в спину автоматную очередь.

– СЮ-ДА-А-А!!!

Жестом олимпийского метателя дисков она показала – куда именно.

– Нет! – молвил я с густопсовой непреклонностью. – Мы идем домой.

– НЕ ТУ-ДА-А-А!!! СЮ-ДА-А-А!!!

– Нет! Я сказал!..

– А-А-А-А-А-А!!!

Брызганье пеной Гуманоид еще не освоил, но во всем остальном падучая исполнялась квалифицированно.

От нас бежали все помойные коты и чумавозные собаки.

Маленькая девочка каталась по земле, надувая туловище; детали гардероба, разбросанные повсюду, трогательно лежали в пыли; сухие веточки и палые листья путались в роскошных локонах; осень золотым убранством отмечала погожий, переменно теплый день; увенчанное синевой неба в сопровождении многоцветия ароматов, по-особенному волнующее благорастворение воздушных, сопутствующее увяданию природы, означало готовность к скорой зиме, каковая уж точно не заставит томить себя, дабы лишней раз милосердными снегами своими пасть на грешную землю и укрыть на ней всяческое безобразие.

Близился обед.

Выходные будни

Лучшие убийцы, вы знаете, получаются из детей.

Действуют они, как правило, медленно. Но не всегда.

Допустим, вы можете принять расслабленную позу, после чего ребенок, издав рестлинг-вопл, обрушится своей пятой точкой на ваше солнечное сплетение.

Или вы можете застать ребенка, скорбно разрывающего на себе одежды, а в ответ на вопрошание: «Что происходит? Почему ты плачешь?» – прозвучит спокойное и бесхитрое «ничего, просто так».

Да и, по правде говоря, самостоятельному чаду вы не нужны. Он сам, без посторонней помощи может, упав лицом вниз, стесать нос до основания. Очень затейливая «витрина» в результате получается – словно бы милое дитя долго и со всем педагогическим тщанием охаживали монтировкой.

Бегство от действительности, которую никто не заказывал, лучше всего обеспечивать с помощью труда. Однако нет никаких гарантий, что в момент максимального усердия, когда пот на вашем лбу фактурно загустел от поднимаемой неисправным пылесосом пыли, ребенок не войдет в комнату и, критически оценив мизансцену, не произнесет вяло:

– Ты на меня не смотри. Ты делай, делай...

Возражать бессмысленно.

Близкие все ближе

Случается, девочка допускает особенно заметную, досадную оплошность, и тогда я спрашиваю:

– Соня, ты помнишь – где у тебя ум?

Таким образом Гуманоид решил поощрить мое усердие. И даже сделал в мою сторону милостивый жест ручкой, каким обычно с плеча смахивают перхоть.

мо логическую цепочку, исключая запасные аэродромы, планы би, мимирию под ветошь и симулякр эпилепсии.

- *Что это?* – повторил я тише, с темно-синим грозовым оттенком в голосе.
- Я-там-сейчас-мне-полежать-еще-надо... – захлопотал Гуманоид помертвевшими губами. – Я-сейчас-мне-там-булочку-еще-дали-доесть-на-полдник...
- Отвечай мне, – гибельным шепотом предпринял я еще одну попытку. – *Что... это...*
- ААААА!!!
Дознаваемую отшатнуло назад.
- ОТПУСТИ! НЕ ДЕРЖИ МЕНЯ! НЕ ДЕРЖИ-И-И!!!
Ретировалась, попутно опрокинув за собой кое-какую мебель.

На отдыхе

Дача, как феномен, по праву хорошо рифмуется в России с одним только словом, символизирующим кровь, пот и слезы. Впрочем, еще на даче можно поиграть с ребенком. Ведь любому ребенку «нужен родитель», не так ли?

Сегодня играли ровно три раза. Сначала – в маленький желтый мячик, который то и дело норовил повредить цветы. (На нашем участке, если кто не знает, цветы растут в самых неожиданных местах – преимущественно в тех, куда катится мячик). Потом, чтобы не мучиться, взяли другой, напоминающий футбольный. В конце концов, пластинку решили сменить. Ведь всего на даче три мячика. Последний – фиолетовый, полусдувшийся, набухший от сырости – своим внешним видом тщательно маскировал принадлежность к какому-либо виду спорта.

- Долго играем... – удовлетворенно заметила Соня.
- Ага! – ответил я, в кои-то веки чувствуя себя настоящим отцом.
- Долго, да! – радовалась Соня.
- Точно!
- Хи-хи-хи.
- Ха-ха-ха-ха.
- Все. Свободен.
- ?!

Таким образом Гуманоид решил поощрить мое усердие. И даже сделал в мою сторону милостивый жест ручкой, каким обычно с плеча смахивают перхоть.

Через секунду девочка уцепилась за верхнюю перекладину «ворот» – остова, на котором когда-то висел диван-качалка. Конструкция слегка накренилась.

- Соня, упадешь!
- Мамап подошла, как всегда, бесшумно.
- Ты слышишь меня?!
- Слышу!
- А если слышишь, то слезай.
- Шибзд прыгнул и с неудовольствием обернулся.
- Внизу ножки не закреплены, – сказала мамап. – А ты лезешь. Загредишь под фанфары – что мы тогда будем делать?
- А ты дома сиди – и ничего не увидишь.
- ?!
- Мамап не удалось подобрать реакцию на совет. Оставалось им только воспользоваться.
- Мы ушли в дом.

Новая жизнь в старом сосуде

Подойти и сесть рядом. Может, даже – на колени. Так удобнее обнимать рукой шею. Сесть и произнести спокойным, ровным голосом:

- Послушай...
- Выдержать паузу и продолжить:
- Погоди минутку, слушай... не отворачивайся, посмотри на меня... Да, вот так.
- И – дальше. Сумбурно, с огнем. Жаркими губами, подернутыми невысыхающей влагой:
- Я знаю все, что у тебя внутри... Правда, знаю. Это заметно... Отчаяние твое, беспричинный страх. Скука... Затхлая скука и проблески надежды... Не надо бояться ничего. Просто так – не надо. Все эти... вздрагивания. Миллион их было! И все они... ни к чему. Не привели ни к чему. Только силы отняли. И время. Отъели жизнь по кусочку... а не надо. То, что

вменяешь себе в грех. Не мне судить о том, правда. Но и не тебе. Правда!.. Ты все давно уже понял, по-разному принял и осознал. Теперь нужно идти дальше, ведь впереди еще дела... много дел... Какие-то из них без тебя не осияют. А есть и такие, которые уготовлены для тебя только... Послушай. Посмотри на меня... Да, посмотри. Вот так... Работать можно с бременем в памяти, а ты «украсил» им совесть. А тебе ведь – работать. Как и раньше, много. Над собой. Твое рабочее место ты знаешь. Остальное должно ждать. Стоя в очереди, ждать. Распорядись правильно своей жизнью. Умело расходуя свои силы. Оставайся девственным и трезвым. Ты еще должен помнить, что это такое. Не стой и не ной. Следуй за белым кроликом в сердце.

Она улыбается хитро, но ласково. Немного подается назад, давая лучше рассмотреть себя.

– Сердце еще бьется, правда ведь?.. Пусть и не так, как раньше.

Сознательно молчит. Потом произносит:

– Любви больше не будет, мы оба это понимаем... Бог соединяет людей не для оправдания страсти, а для того, чтобы, преодолев ее, мы преображенными входили в новую жизнь. Не соучастниками порока, не любовниками или супругами, даже не мужчиной и женщиной... но братом и сестрой. Равными перед Создателем. Я слушал смиренно. Мне некуда было деваться.

– Ты знаешь прекрасно все, просто еще не созрел. Но силы для этого есть, есть!.. И время тоже. Тебе только сорок теперь. Будущее никто не отнимет... Я останусь с тобой... в нем. И я тебе помогу... я поздравляю тебя...

И больше я ничего не слышу.

Да...

Вот так бы она сказала. Могла бы сказать. Но ей не хватало возраста. Элементарных биологических лет. Поэтому она просто подскочила, вытаращив все свои глаза и косички, и выпалила:

– ПАП! С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!!!

И протянула детский рисунок...

Что-то провернулось у меня внутри...

Спасая ситуацию, я указал пальцем вверх.

– Смотри, как самолет летит!..

Вслед за мной Соня подняла голову.

Какое-то время мы разглядывали небо...

Иногда нельзя себе позволить плакать наружу.

А для того, чтобы плакать внутрь, необходимо задрать подбородок.